

опытом, получение которого связано с цифровыми медиумами. Таким образом, новые формы чувственного опыта, обусловленные digital-технологиями, приходят на смену традиционным.

Мы не утверждаем, что игра с инициационным сюжетом эквивалентна самой инициации или способна заменить соответствующий обряд, но предполагаем, что инициационный сюжет вкупе с интерактивными возможностями представляет собой некоторую репрезентацию десакрализованного ритуала в цифровом виде, чувственный опыт его переживания. Благодаря цифровизации у современного юношества есть возможность прожить опыт прохождения инициации не просто через сублимированный литературный сюжет, но действуя, посредством интерактивности, как игрок и непосредственный участник происходящего. Потребность в подобном виде активности возникает в виду того, что практика инициаций является культурно и психологически обусловленным инструментом социокультурной адаптации индивида в обществе.

Список литературы

1. Макгонигал, Дж. Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир / Дж. Макгонигал ; пер. с англ. Н. Яцюк. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 384 с.
2. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / Владимир Я. Пропп. – Москва : Колибри, 2020. – 640 с.
3. Хёйзинга, Й. Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры / Йохан Хёйзинга ; Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 416 с.
4. Элиаде, М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде; пер. с фр. В. П. Большакова. – 5-е изд. – Москва : Академический Проект, 2014. – 235 с.
5. Элиаде, М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / Мирча Элиаде ; пер. с фр. Г. А. Гельфанд; науч. ред. А. Б. Никитин. – Москва-СПб. : «Университетская книга», 1999. – 356 с.
6. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / Карл Густав Юнг ; пер. с нем. Т. А. Ребеко. – Москва : Академический проект, 2015. – 328 с.

МОЛОДЕЖЬ НА ПЕРЕПУТЬЕ КУЛЬТУР: КУДА ВЕДУТ НАС НАШИ КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ?

К.А. Берстнев, В.Д. Никулушкина, Н.А. Каверина

Москва, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

Новые политические реалии поставили ребром вопрос культурной и цивилизационной принадлежности России. Разрыв устоявшихся связей между отечественным культурным пространством и западным миром, а также переоценка традиционных ценностей в самом российском обществе [5] позволяют сказать, что наступает новая веха в поиске национальной идентичности России.

Проявлением «разорванности» страны является ценностный раскол российского общества. В 2022 году ВЦИОМ [4] провел несколько исследований касательно ценностей, приоритетов и перспектив общественного развития, в ходе которых была выявлена разнонаправленность приоритетов среди населения. Из трех возрастных групп лишь молодежь со значительным отрывом выбрала главной жизненной ценностью «достижения личного благополучия», остальные же группы характеризовались этатистскими взглядами и приверженностью к традиционным российским ценностям.

Традиционным российским ценностям противостоят ценности присущие индивидуалистичной молодежи [8, с. 119-120]. Чем вызван столь большой разрыв ценностей и не является ли это ещё одним элементом цивилизационного определения России? Попытки ответить на данные вопросы и станут центральной темой данного исследования.

Молодежь – двигатель любого общества, она определяет основные факторы общественного роста и развития [1, с.40]. Согласно исследованию Obasanjo (2008), данную группы населения отличают: сильная потребность в самореализации; склонность к идеализации ценностей и образов и стремление им соответствовать; а также разочарование и беспокойства по причине противостояния идеалов и реальности [1, с.40]. Во многом эти поведенческие особенности могут объяснить склонность молодых людей к индивидуализму, однако, на наш взгляд, важную роль играют и культурные коды. Культурные коды как бессознательный смысл в контексте культуры, в которой воспитаны люди, задают восприятие реальности человеком и во многом определяют его поведенческие установки [7].

Согласно известному отечественному институциональному экономисту Александру Аузану, в России прослеживается наличие двух противоположных кодов: первый – это коллективистская Россия, ориентирующаяся на общественные ценности «мы»-идентичности, и второй – индивидуалистическая Россия, ориентирующаяся на ценности успеха, конкуренции и «я»-идентичности [6]. Второй код наиболее ярко представлен в крупных городах, где в основном и сосредоточена молодежь [3, с.98], что может сказываться на широком распространении индивидуализма в данной группе.

Таким образом, опираясь на вышеизложенный теоретический материал, мы сформировали ряд гипотез, объясняющих ценностные различия молодежи и остальных социальных групп российского общества:

- молодежь является носителем индивидуалистического культурного кода, что влияет на ее склонность к либеральным идеям;
- молодежь является носителем индивидуалистического культурного кода в силу наиболее плотного соприкосновения с западной культурой.

С целью проверки гипотез мы провели социологический опрос среди представителей молодёжи. Метод сбора первичной информации – анкетирование. Объект изучения – студенты РЭУ им. Г.В. Плеханова. Сбор данных осуществлен с помощью интернет-платформы GoogleForms. Всего было опрошено 130 обучающихся разных курсов и направлений. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась.

Для проверки первой гипотезы мы задали респондентам вопрос относительно их ценностных ориентаций. Среди студентов наиболее значимыми в жизни оказались: самореализация (94%), семья (90%), материальное благополучие (93%). Традиционные ценности России – патриотизм (50%) и традиционная культура и религия (49%), - оказались наименее востребованными среди молодежи. Такое ценностное ранжирование демонстрирует доминирование среди молодёжи индивидуалистических начал и их принадлежность к индивидуалистскому культурному коду.

Далее опрошенным предлагалось выбрать наиболее близкую к своим взглядам политическую идеологию. Они преимущественно выбирали: либерализм (35%) или затруднились ответить (28%). Второстепенную популярность получил социализм (13%), консерватизм (8%), анархизм (6%). Это демонстрирует ценностный разрыв среди молодёжи, который, как заметил Луков, состоит в конкуренции новых индивидуалистических ценностей современной России и советского коллективизма, выливающийся в том числе и в абсентеизм. Студенчество не имеет единого политического вектора при своей особенно высокой политической активности, что требует от государства регулярной и масштабной работы по позиционированию своих ценностей среди данной социальной группы. Большое количество политически неопределившихся делает её возможным источником рекрутации, как для сторонников сложившегося политического курса, так и для его противников [2].

Для проверки второй гипотезы мы задали респондентам вопрос относительно авторитетов, повлиявших на формирование их жизненных взглядов. Студенты отмечают, что больше всего на их жизненные взгляды повлияли «родные/сверстники/близкое окружение» (70%), а меньше всего зарубежные общественные деятели (20%). Итак, можно сделать вывод, что большинство индивидуалистических ценностей культивировались на уровне агентов первичной социализации, поэтому причиной ценностного разрыва между поколениями может служить отсутствие в социальных институтах общества целостных представлений о традиционных ценностях российского общества.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в России существуют разнонаправленные культурные коды, для которых свойственна и возрастная принадлежность. Молодежь является одной из основных социальных групп, относящихся к индивидуалистскому культурному коду, что влияет на ее ценностные и политические предпочтения. Однако при комплексной работе государства не только с лидерами общественного мнения, но и с институтами первичной социализации, возможно преодоление ценностного разрыва поколений.

Список литературы

1. George, I. N. Uyanga U. D. Youth and moral values in a changing society / I. N. George, U. D. Uyanga // IOSR Journal of humanities and social science. – 2014. – Т. 19. – № 6. – Р. 40-44.

2. Грищенко, М. А. Коллективистские и индивидуалистические ценности: объективные факторы формирования жизненных стратегий россиян /

М. А. Грищенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – №3. – С. 241-246.

3. Луков, В. А. Формирование и реализация государственной молодежной политики в современной России: монография / В. А. Луков, С. В. Луков, Д. А. Тихомиров. – М.: Русайнс, 2021. – 285 с.

4. Люди будущего: ценности и ориентиры современной российской молодежи [Электронный ресурс] / ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoii-rossiiskoi-molodezhi>. Дата доступа: 27.03.2023.

5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, 9 ноября 2022 г., № 809 // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

6. Почему Россия – биполярная страна и что это значит для нашей экономики [Электронный ресурс] / Arzamas. – Режим доступа: <https://arzamas.academy/courses/90/4>. - Дата доступа: 22.03.2023.

7. Рапай, К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 167 с.

8. Соколов, А. В. Традиционные ценности и книжная культура / А. В. Соколов, А. С. Тургаев // Научные и технические библиотеки. – 2022. - №5 (117). – С. 79-97.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

И.Н. Браницкая

Минск, Институт философии Национальной академии наук Беларуси

Технологические и организационные изменения создают новые возможности для реагирования на социальные изменения и улучшения жизни людей. Инновации способствуют социальному благосостоянию. Это фундаментальная мотивация, которая традиционно стимулировала развитие инновационных исследований и выработку социальной политики в течение последних 50 лет. Однако утверждение о том, что инновации способствуют социальному благосостоянию, неявно основано на двух важных предположениях, которые до сих пор доминировали в научных исследованиях и разработке политики в области ценностно-ориентированного подхода в вопросе результативности социальных инноваций белорусского общества.

Первое предположение заключается в том, что социальных инновации влияют на благосостояние людей, увеличивая доходы и возможности потребления [1; 3; 4]. Следовательно, до сих пор в этой области неявно принималось понятие индивидуального благосостояния, которое фокусируется на экономических детерминантах и материальном богатстве и обычно игнорирует неэкономические аспекты. Однако это предположение проблематично: социальные инновации оказывают самые разнообразные воздействия на качество жизни людей, которые включают в себя множество экономических, социальных и психологических факторов и возможностей [5; 8]. В этой связи,